

Раннее лето было ее любимым временем года. Мужун Шу Цин гуляла по аллее, чувствуя себя действительно счастливой и довольной. Солнце садилось на Западе, чтобы поприветствовать вечернюю зарю, прохладный ветерок источал аромат лотоса, настроение у нее было хорошее. В этом году Син Хуню исполнилось уже 12 лет, и в течение следующих трех лет она могла потихоньку учить его управлять делами семьи Мужун, а затем подождать, пока ему не исполнится 18 лет, чтобы передать их ему. Во всяком случае, она не была Мужун Шу Цин, поэтому в будущем найдет тихий и уединенный уголок, чтобы жить в свое удовольствие. С ароматным чаем и вином, зелеными холмами и чистыми водами в качестве своих спутников, ее жизнь будет свободной и неторопливой.

Мужун Шу Цин, погруженную в любование пейзажем, вдруг отвлекли появившиеся в ее поле зрения силуэты. Она прищурилась, чтобы посмотреть на них, одна из них была второй госпожой Мужун Сяна, Юнь Пэй Хуа. Тогда кто же была другая молодая служанка? Она выглядела так, будто попала в трудную ситуацию, и обе женщины были взволнованы. Потянувшись - всё равно она немного заскучала - Мужун Шу Цин встала и подошла к ним поближе.

- Госпожа, я умоляю вас спасти барышню! Барышня действительно страдает, ах! - Сяо Чань потянула Юнь Пэй Хуа за подол, ее лицо было залито слезами, когда она умоляла госпожу. Если та не сможет спасти ее, то с барышней будет покончено!

- Дело не в том, что я не хочу спасать Вань'эр, а в том, что я всего лишь ничтожная женщина. Что я могу сделать с моим-то положением? - Юнь Пэй Хуа слушала слова Сяо Чань, и ее сердце тоже сжималось. Бедное дитя!

- Вы можете пойти к хозяину и умолять его. В любом случае, барышня тоже его плоть и кровь! - воскликнула Сяо Чань. Ее глаза распухли, как грецкие орехи, но она отчаянно пыталась спасти барышню, хватаясь за угол юбки Юнь Пэй Хуа и не отпускала, напоминая голодную сироту, вымаливающую горстку риса.

- Еще бы он слушал то, что я говорю, или считал Вань'эр своей плотью и кровью! - когда она закончила говорить, они обе обнялись и горько заплакали.

Мужун Шу Цин стояла, прислонившись к двери рядом с павильоном Чу Юнь, и беспомощно наблюдала, как две женщины плачут навзрыд. Это будет пустой тратой времени и сил, если она так и не вмешается.

- Сегодня очень оживленно, ах! - раздался томный голос. Две женщины выглядели так, словно увидели привидение и упали на землю. Сяо Чань испугалась, все ее тело дрожало.

Мужун Шу Цин медленно вышла вперед. Юнь Пэй Хуа уже встала, вытерла слезы, которые были на ее лице, и сказала дрожащим голосом: «Шу Цин, ты... почему ты здесь?» Юнь Пэй Хуа держала в руке шелковый платок, и все, что она говорила, было неразборчиво, потому что в глубине души она была напугана. Даже если им не нужно было называть Мужун Шу Цин старшей барышней в последние годы, и они могли называть ее по имени, после многих лет

издевательств она все еще испытывала страх перед ней.

- Чья это служанка? Она мне совершенно незнакома, - Мужун Шу Цин посмотрела на молодую служанку, которая упала на землю так, что ее тело почти свернулось клубком, и ощутила беспомощность в своем сердце. Это заставило ее вспомнить о событии трехлетней давности, когда все люди, увидев ее, решили, что она призрак. Ничего страшного, если человек любит стоять на коленях, но нельзя заставлять его ползать по земле. Она с большим трудом исправила положение, но теперь появилась другая молодая служанка, стоящая перед ней на коленях.

- Эта ничтожная слуга... эта ничтожная слуга - Сяо Чань. Я... Я... служу госпоже Вань Жу! - плач Сяо Чань заставил ее голос звучать хрипло, и ее голос тоже дрожал, заставив Мужун Шу Цин нахмурить брови.

- Вань Жу? Тогда почему ты здесь? - после долгих раздумий она вспомнила Мужун Вань Жу, первую дочь Мужун Сяна, которая вышла замуж четыре года назад. Из-за того, что Мужун Шу Цин хотела быть старшей барышней, к Мужун Вань Жу можно было обращаться лишь как к барышне Вань Жу.

Юнь Пэй Хуа быстро подошла к Сяо Чань и торопливо сказала: «Она здесь, чтобы забрать вещи Вань Жу, и сейчас же уйдет».

- Какие вещи она заберет? - ее интонация была расслабленной, как будто она наслаждалась весенним ветерком, но эти две женщины, та, что преклонила колени, и та, что стояла, сразу же лишились дара речи. Дочь, уже вышедшая замуж, все еще возвращалась, чтобы забрать какие-то вещи. Если господин неправильно поймет, что она часто брала вещи семьи Мужун, чтобы отдать их Вань Жу, это будет ужасно.

- Все еще не хочешь говорить правду? Встань и говори ясно, - Мужун Шу Цин села на каменную скамью во дворе.

Улучив момент, Сяо Чань, не вставая, на коленях приблизилась к Мужун Шу Цин, но, не осмеливаясь дергать за ее юбку, она могла только непрерывно кланяться и слезно просить: «Старшая госпожа, спасите мою барышню, умоляю вас!» Ее голова без остановки ударялась о землю и ее лоб начал кровоточить.

- Ладно. Говори яснее, перестань кланяться, встань и говори! - Мужун Шу Цин подняла Сяо Чань на ноги. Что же такое ужасное могло произойти? Она хотела как следует разобраться, в чем дело.

Сяо Чань не смела поверить, что старшая барышня готова ее выслушать, но в любом случае она должна попытаться, если есть возможность спасти хозяйку.

- Когда барышня только вышла замуж в семью Ли, все домашние сначала относились к ней

довольно хорошо. Но потом, поскольку барышня в течение года не смогла забеременеть, мастер Ли привел наложницу для Гуге [1], его младшую кузину со стороны матери. С тех пор Гуге стал равнодушен к барышне, и два года назад мастер Ли во всеуслышание заявил, что барышня была никем в семье Мужун, поэтому она ничем не может помочь их семье Ли.

Естественно, все стали относиться к моей госпоже хуже некуда. Позже Гуге снова взял наложницу, уже из борделя, и вскоре эта женщина забеременела. Она безумно любит Гуге, поэтому ложно обвинила барышню в том, что та навредила ее нерожденному ребенку. Гуге был в ярости, он в гневе ударил барышню, и их отношения с тех пор совсем разладились.

[1] так семья жены называет зятя

В прошлом месяце низшая наложница несправедливо обвинила барышню в том, что она ранила молодого господина. Гуге так сильно избил мою госпожу, что теперь она не может встать с постели, и нам не разрешили вызвать врача. Ведь если об этом станет известно, они потеряют лицо. Я боюсь... боюсь...

Не в силах продолжать, Сяо Чань упала и лишь продолжала надсадно выть. Юнь Пэй Хуа тоже вытирала слезы. Ее бедная малышка, что за ужасная судьба!..

Мужун Шу Цин ничего не сказала, а только молча сидела. Сяо Чань и Юнь Пэй Хуа не смели издавать никаких звуков, весь павильон Чу Юнь погрузился в мертвую тишину.

- Цзы Юань! - неизвестно, когда Цзы Юань успела появиться у ворот павильона Чу Юнь, но услышав, как Мужун Шу Цин позвала ее, она немедленно вошла.

- Поищи врача, пусть он осмотрит эту девушку, а завтра поезжай с ней к семье Тан Ли и заведи Вань Жу домой. Скажешь, что родители тоскуют по своей дочери и хотят, чтобы она погостила дома несколько дней. Если они будут упорствовать, намекни Ли Дун Мину, что судья Ван в следующем месяце проводит смотр района Жун, и спроси, хорошо ли он подготовился? Он, естественно, знает, как трудно справиться с проверкой, и не посмеет нам перечить.

Мужун Шу Цин закончила говорить и встала, чтобы покинуть павильон Чу Юнь. Мысленно она снова вздохнула. Участь женщины в этот период времени была печальна. Хотя домашнее насилие в современном мире означало, что кто-то нарушает закон, и такое всё равно случается, в древние времена всё обстояло намного хуже. Если семья этой женщины не будет могущественной, ее могут убить, и никто не посмеет позаботиться об этом.

- Докладываю: господин Син Хунь и двое гунцзы уже вернулись, еда тоже приготовлена.

- Я сегодня очень устала и не пойду есть со всеми, доставь еду в Суй Юань, хорошо? Скажи Син Хуню, что он может начать учиться ездить верхом у Сюаня завтра. Пусть занимается с усердием.

Голоса этих двух людей постепенно стали отдаляться, но двое людей, находившихся в

павильоне Чу Юнь, всё ещё пребывали в прострации. Спустя долгое время Юнь Пэй Хуа пришла в себя: «Вань Жу спасена, Вань Жу спасена». Она неосознанно теребила Сяо Чань и плакала, но на этот раз это были слезы счастья.

Сяо Чань все еще не смела поверить, что старшая барышня согласилась спасти ее госпожу и даже велела вернуть ее домой. Барышня действительно была спасена. Но даже при том, что старшая барышня получила признание родных, разве она не нуждалась в согласии хозяина? Но это не имело значения, раз она была готова спасти барышню.

<http://tl.rulate.ru/book/11038/308534>